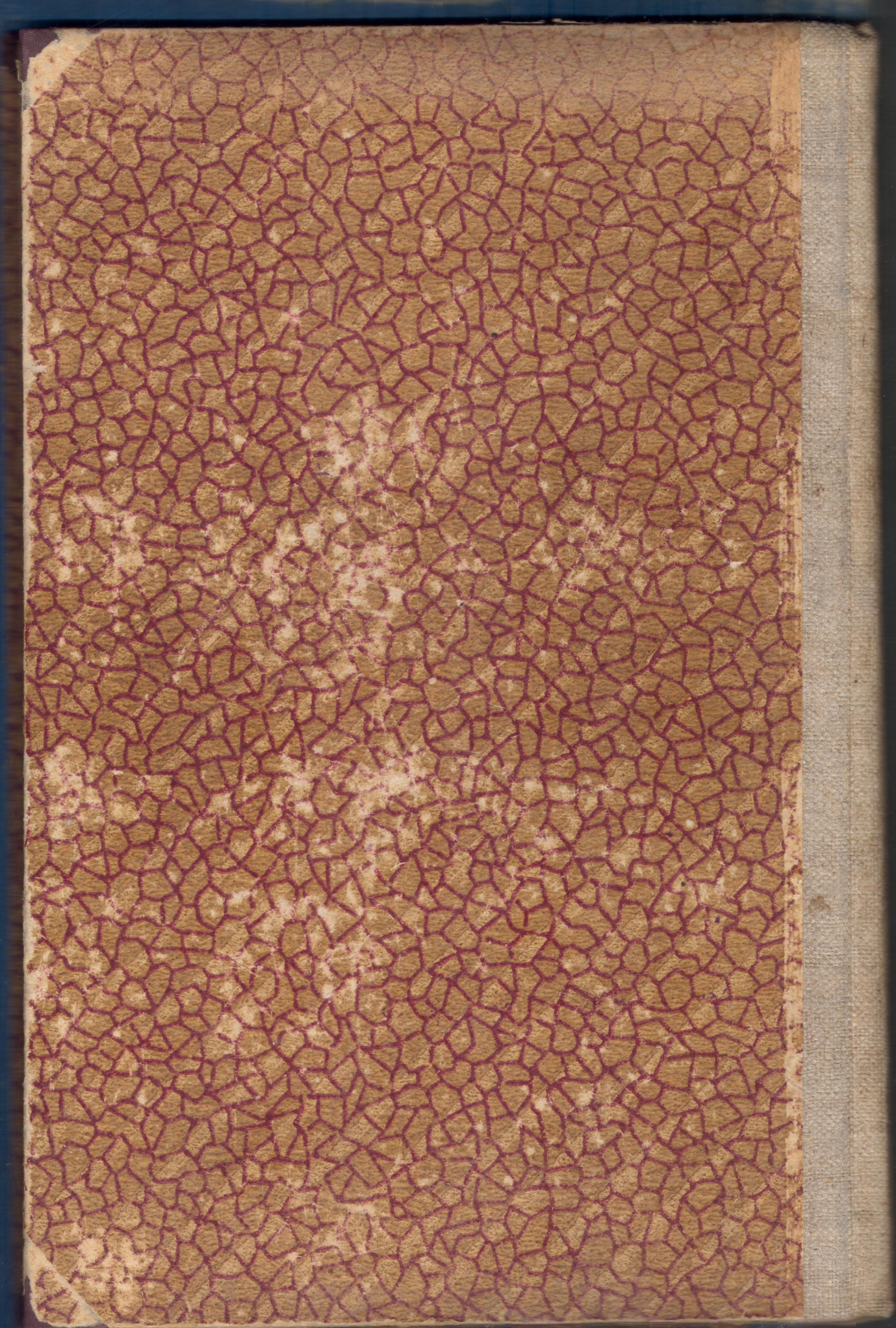
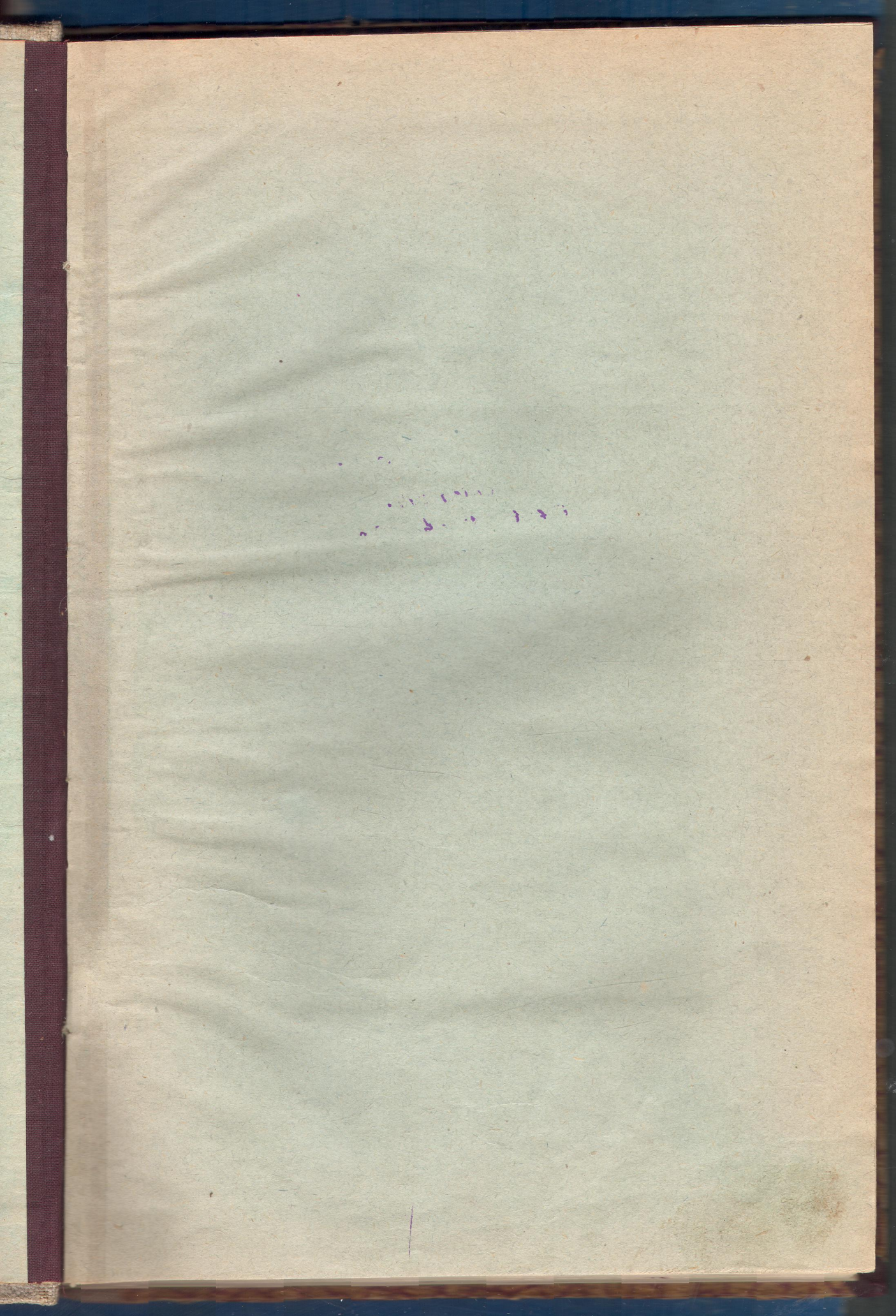

PK-X19-3
295021
751

PK-XIV-3

Александров

235
X
11 VI
1897

П. Г. РИТТЕРЪ.

САНСКРИТЪ.

759(28)

17 ИЮЛ 1934

ПРОВЕРЕНО
ЦНБ 1948 г.

1 ДЕК 1966

ЦЕНТРАЛЬНА НАУКОВА
БІБЛІОТЕКА ХДУ
Inv. № 295021

1924
18290

Центральна Наукова
Бібліотека ХДУ

Типо-литографія
С. Иванченко.

Харьковъ,
Костюринскій п. 2.

1916 г.

ПРОВЕРЕНО
ЦНБ 1968
59

~~11/11~~

U. L. PNTTTP. P.

СЯНГКЯНТ. P.

СЯНГКЯНТ. P.

СЯНГКЯНТ. P.

СЯНГКЯНТ. P.

С. Наварро. Тино-интер. 2

1911

1911

Что такое санскритъ?

(Вступительное введение)

Знакомство европейцевъ съ языками и литературой древней Индіи началось болѣе ста лѣтъ тому назадъ: почти одновременно, съ ^{одной} стороны, въ Европѣ гениальный Францъ Боппъ (1791-1867) впервые доказалъ научно существованіе индо-европейской семьи языковъ, отвѣлъ въ ряду отдѣльных членовъ ея важное, если не первенствующее мѣсто древне-индійскому языку-санскриту и въ концѣ концовъ положилъ начало новой наукѣ - сравнительной грамматикѣ индо-европейскихъ языковъ; съ другой стороны, въ Индіи англичане занялись на мѣсто изданіемъ санскритскихъ текстовъ, ихъ переводили, объясняли, составленіемъ грамматикъ и словарей, и, благодаря трудамъ такихъ людей

какъ Уильямъ Джонсъ, Уилкинсъ, Коль-
брукъ, открыли перспективу на много-
вѣковую, богатую, своеобразно заманчи-
вую культуру, сумевшую европейцамъ
много важнѣе и интереснѣе откры-
тій. Европейцы живо заинтересова-
лись Индіей одновременно съ двухъ
сторонъ, лингвистической и литера-
турно-культурной, и усердно взялись
за работу. Трудно даже представить
себѣ, какъ много было сделано, пришло
въ различныхъ отрасляхъ знанія, за
эти первые 20-30 лѣтъ, особенно если
принять во вниманіе скудные мате-
ріалы, имѣвшіеся тогда подъ руками.
Вѣдь, приходилось имѣть дѣло съ массой
неизданныхъ текстовъ безъ словарей
такъ какъ изданіе Росс. Акад. Наукъ боль-
шого, такъ называемаго „Петербургскаго
словаря“ (на инд. яз.) подъ редакціей
Боткина и Рота началось лишь
съ 1855 года. Почти все изучавшее
Индію и санскритъ ^{занимавшееся} или разносторонне:

вспомнили братьев Августа и Вильгельма Шлегеля, Бенфаха, Эжена Бюрнуфа, Массена. Они были и лингвистами и филологами; а если вспомнить юность антагонизма, который довольно долго держался и даже до последнего времени давал изрядно слабые оролоски в Германии, антагонизм между филологами-классиками и лингвистами, сравнительными языковедами, то не трудно понять, что филологосинкретисты оказывались подчас чуть не врагами филологов-классиков, и потому все то съезе приликали къ лингвистам, поднимаясь приёмам сравнительнаго языкознанія, быстро подвизавшагося впередъ. Въ изумительном усердіи, которыми склонно было грѣшить сравнительное языкознаніе — отождествлять совершенно чуждые другъ другу явленія и относить ихъ фантастическій первообразъ въ доисторическую эпоху, когда индоевропейской ^{на} ^{наши и индоевр.} ^{право дитя} ^{отъ этого} ^{оши-}

Богиня приёма пострадала, быть можетъ, также всю сравнительная мифология, выросшая вальдъ, какъ бы по аналогіи, за сравнительными языковедцами: вѣдь не такъ давно еще древне-индійскую мифологию Ригъ-Веды превращали въ индоевропейскую, какъ это доселѣ своей смерти продолжалъ дѣлать покойный Максъ Мюллеръ. Влиять съ тѣмъ, туземныя традиціи, плодъ многовѣкового и потемнаго труда индійскихъ ученых-пандитовъ, оставались въ памяти крестоносцевъ; богатѣйшая литература индійскихъ комментаторовъ совершенно игнорировалась. Особенно сильно сказалось это направление въ переводѣ Ригъ-Веды Грассмана и въ статьяхъ Ропа въ большомъ „Петербургскомъ словарѣ.“ Тѣмъ вращеніемъ, однако, прежній типъ ученаго спеціалиста, совмѣщавшаго въ себѣ санскритиста и сравнительнаго языковѣда, выдѣлился изъ себя санскритиста-срмалога, съ одной, — мифиста, сравнительна-

го языковедов, с другой стороны, что и
выразилось в Германии необходимостью
поручать двум специалистам наводру,
имевшую прежде лишь одного пред-
ставителя. Наблюдается неизбежный
при росте и развитии процесс выде-
ления и специализации. В одной сторо-
ны лингвисты: Бруманн, Готтманс,
Шмидт, Густав Мейер, Кречмер,
Ванкерман, с другой, санскритисты-фи-
лологи: Бюлер, Мильорн, Гинель,
Гелднер, Сгоденберг. Такая группи-
ровка и специализация обуславливаются
области и неизменно изменившимися отношениями
европейцев к туземным индийским
традициям, чему способствовали по-
требности, больше всего покойный профессор
вюртембергского университета Георг Бюлер,
трагически и загадочно погибший в 1898 г.,
в начале расцвете сил. Еще молодым
человеком в 25 лет, однако уже с солидной
эрудицией и подготовкой, он отправился
в Индию, где провел 17 лет: сначала

онъ былъ профессоромъ въ Эльфинстонов-
Колледжѣ въ Бомбей, а затѣмъ въ теченіе
10 лѣтъ занималъ должность инспектора
туземныхъ школъ. Онъ сроднился съ этою
страной, полюбилъ еѣ, сумѣлъ изучить въ
современной Индіи древнюю, говорилъ съ
туземными простонародіемъ на діалектахъ,
и съ пандитами на санскритѣ, при
сложныхъ своихъ обязанностяхъ успѣвалъ
все же очень много работать для науки,
и оцѣнилъ туземную ученую традицію,
основанную на тысячелѣтней преемствен-
ности. Онъ самъ говорилъ въ письмахъ къ другу,
что „однимъ годомъ пребыванія между туземца-
ми (когда онъ заботился о народныхъ
школахъ) прожилъ ему болѣе свѣтло,
на индійскую литературу и культуру,
чѣмъ шесть лѣтъ въ Бомбей“. Вернувшись
въ Европу, онъ до самой смерти въ теченіе
17 лѣтъ былъ профессоромъ санскрита въ Кей-
псѣ, оживаясь въ немъ своему идеалу
общенія европейской науки съ индійскою
знатностью. Начавшаяся надъ его редак- 1133

цией, при сотрудничестве многих немецких, английских и индийских ученых. "Энциклопедия индо-арийской филологии" (Grundriss der indo-arischen Philologie und Altertumskunde. Straßburg. Trübner) во многом завершил стольное учение Уинд. Было около половины этого труда; за смертью Бюллера редакционное перешло к профессору Лодеру и Ваккермашу. Живя в Риме, Бюллер хотел активно действовать в пользу Индии, смотреть на европейскую санскритистику, как на миссионеров науки для дорогой ему страны, желая, чтобы они поддерживали связь с индийскими традициями и старались извлекать из современности все, что она дает для древности. Ему мерещился, быть-может, идеал культурного сближения и взаимодействия между европейской и индийской культурой (ср. его Биографию в Grundriss der indo-arischen Philologie. Georg Bühler von Julius Tolly 1939). Будут ли эти надежды, или

читать, судить об этом преждевременно,
но единственный путь къ ихъ осуществле-
нию - изучение древне-индiйской литературы,
оригиналомъ которой является санскритъ,
о которомъ я и собираюсь говорить
подробнѣе. Въ сожалѣнію, до сихъ
поръ, даже среди хорошо образованныхъ
людей, равно какъ и въ многотомныхъ попу-
лярно-научныхъ сочиненiяхъ, какихъ-
нибудь изъ вторыхъ и третьихъ рукъ,
на этотъ счетъ всматриваются доволь-
но сбивчивыя и невооруженнаго пониманiя,
а въ чисто научныхъ работахъ терминъ
„санскритъ“ не всегда опредѣляется и
выясняется съ достаточной точностью.
Не знаю, чѣмъ объяснить, напр.; значительно
укоренившiйся, особенно въ русской публи-
кѣ, ходячiй заблужденіе, отожествляю-
щее санскритъ съ индо-европейскимъ
языкомъ, откуда извлекается логич-
ный выводъ, будто санскритъ и есть
одинъ изъ всѣхъ прочихъ индо-европейскихъ
языковъ (или, по неправильной термино-

логии, «арийских»). С другой стороны, иногда употребляется такой непереносный термин, как «ведический» санскрит, т.-е. язык Редь. Поэтому и илито въ виду по широтѣ силъ устано-
вить и выяснить точное значеніе этого термина.

Если мы попытаемся возстановить весь длинный процесс развитія языковъ и нарѣчій индо-европейскаго населенія. Индѣи, обитавшія оное трехъ тысячелѣтній, отъ древнѣйшей поры, когда индійскіе арийцы обособились отъ своихъ близкѣйшихъ родичей иранцевъ, вплоть до нашихъ дней, то придется его разграничить по времени и фазисамъ развитія на три стадіи: древне-индійскіе діалекты, куда относятся и санскритъ, средне-индійскіе или пракриты, наконецъ, новиндійскіе наречія, современные Вѣдѣ (Хинди, Пенджаби, Гуджарати, Синдхи, Маратхи, Урду, Синдустани, Бенгали).

Въ индѣйскомъ яз. пишетъ Радхикамурси Бхатта
162.

Чтобы изяснить отношенія
 между этими тремя стадіями развитія,
 можно воспользоваться аналогіей съ латинскимъ
 и романскимъ языками; Древне-индійскій яз.
 можно сравнить отчасти съ латынскою,
 начиная отъ старой латыни Плавта,
 и кончая латынско-итальянскими гуманистовъ
 и даже современными Диссертациями на
 латинскомъ языкѣ. Средне-индійскіе пра-
 криты можно сравнить тогда съ итальян-
 скими начиная отъ Данта, Петрарки,
 и Боккаччо, тосканскаго литературнаго
 языка и кончая современными литер-
 ными діалектами. Для ново-индійскаго
 карнаты надо взять еще разъ ту же
 пропорцію. Послѣднее я болѣе касать-
 ся не буду, а въ двухъ словахъ укажу на
 объемъ и разнотру древне и средне-индй-
 ской литературы. Древне-индійская гим-
 навъ сѣ названъ не безъ основанія. Максъ
 Мюллеръ, санскритская литература
 заключаетъ въ себѣ колоссальную по числу
 и объему массу памятниковъ, обширною

щих больше чем 2000-летний промежуток времени. Сюда входят веды, древнейшие, священные книги индусов (Риг-В., Сама-В., Яджурь-В., Атхарва-В.) и тесно прилегающие к ним обилие теологические трактаты Брааманы, философские Упаннады и Араньяки, риторические учебники Сутры, одними словами, "индийская Библия", Св. Писание (*scripti*), закончившие до появления буддизма, т.е. ранее VI века до Р. Хр. Кроме того, имеется шантский герметический знакъ (больше 200,000 строк) Махабхарата и менее обилие Рамайна, громадное количество философских и учений грамматических, риторических, юридических текстов, затем обширная поэтическая литература: саги, поэмы, драмы, романсы, повести (капр., сборники "Китхисаритсарара" Сама-деви, относящ. к XII в. до Р. Хр., прозванный "индийскими Декамероном"), наконец, колоссальная литература государственных и политических, состав-

вленная почти по всему перечислен-
ным выше родамъ памятниковъ, гну-
щаяся вплоть до нашего вѣка. Литера-
тура на средне-индѣйскихъ діалектахъ
появляется лишь послѣ Будды. Древнѣй-
шія индѣйскія надписи царя Ашоки въ
III вѣкѣ до Р. Хр. и южно-буддѣйскій канонъ
написаны на діалектѣ Пали, древнѣй-
шемъ изъ известныхъ намъ праскриптовъ.
Одинъ изъ праскриптовъ, Махарамбурри,
состоялся священнымъ языкомъ секты
Джесайновъ, конкурировавшей съ буддиз-
момъ. Несомненно также существованіе
простонародной сказочно-новеллистической
литературы на праскриптахъ, однимъ
изъ знаменитѣйшихъ памятниковъ ко-
торой была затерянная для насъ „Три-
хаткатха“. Гунадхы, писанная на
праскриптѣ Пайнахи, т.е. на „діалектѣ
демоновъ“, подвергавшаяся впоследствии
литературной обработкѣ на санскритѣ,
лежала также въ основу и упоминае-
мо выше сборника новеллъ Сомадевы.

Наконец, франкриты играют также видную роль в классической индийской драме, расцвет которой относится к V-VII вв. по Р. Хр.: все женщины и мужчины низших каст говорят здесь на различных франкритах, а мужчины высших каст на санскрите, что, очевидно, предполагает в публике свободное понимание и знакомство и с пьюм и с другими языками.

Изучение и канонизирование языка древне-индийских священных текстов началось давно. В эпоху, предшествовавшую Буддизму, относится такой грамматический труд, как „Nichintam“ Яска, предполагающий уже многих предшественников. Но из всех грамматических трудов стяжали себе авторитет непогрешимости лишь „Вкни грамматик” известного Панини. Это сочинение, точности и полноты эописит всей грамматической литературы; оно заключает в себя около 4000 кратких

правиль, наполняющихъ отрасли алгебраическія формулы и, если ихъ напечатать въ подрядъ, получится около 150 страницъ небольшого формата. (Это не памятникъ отнюдь не издание Бэмлинда: Panini's Grammatik, herausgegeben, übersetzt, erläutert und mit verschiedenen indices versehen von Otto Böhtlingk. Leipzig. 1887). Самъ авторъ, Паннинъ, жилъ въ IV—III вв. до Р. Хр., какъ позволяютъ думать данныя, встречающіяся въ другихъ памятникахъ, а въ особенности свѣдѣнія, сообщаемыя китайскими путешественниками Хуэнь-Тхсан-гао, ревностнымъ буддистомъ, объѣзжавшимъ Индію въ началѣ III в. до Р. Хр. и оставившимъ очень интересное и ценное описаніе своего путешествія. Язудъ Паннинъ обуславленъ существованіемъ предшествовавшихъ грамматическихъ школъ съ хорошо выработанными традиціями: онъ самъ называетъ по имени десять ученыхъ грамматистовъ, указывается на стверную и

Восточную грамматическую школу.
 Сам он был родом из северо-западной
 Индии. Его труды стали канонами для индий-
 ских грамматистов и ученых, которые
 безновено знают его грамматику
 и поэтику. Благодаря им оказали она
 также и европейским ученым в деле
 составления санскритского грамматиче-
 ского словаря; некоторые отрывки,
 напр., стали сложное и важное в древне-индий-
 ском языке, учение о сложных именах не-
 возможно хорошо понять и изложить, не
 опираясь на эти приемы индийских
 грамматиков. Вскоре появились дополне-
 ния к труду Панини: в III-II в. до Р. Хр.
 относятся т. наз. *Uattina*, т. е. приме-
 нения к 1245 правилам грамматики
 Панини, составленные неким *Катаядой*
 из Декана. Его последнему труду
 написан во II в. до Р. Хр., т. наз., "Богатый
 словарь" (*Махабхашья* - Махабха-
 ша) некоего *Батанджана*, богатый
 и интересный памятник

закононаукой въ себя, крѣпко грамматическим
массу историко-литературныхъ данныхъ.
„Махабхашьямъ“ пишется въ формѣ діалога
между учителемъ и ученикомъ; въ довольно про-
странномъ введеніи объясняется, что такое
слово, какими образомъ и для чего употребляется
изучать грамматику. Мотивовъ къ тому
приводится много: ради точнаго сохранения
священныхъ текстовъ, ради верной рецензи-
ции формулъ веритива, ибо въ противномъ
случае можно на самого себя навлечь бѣду,
въ доказательство чего приводится итѣ, ибѣнть
съ Богомъ Швадитаромъ, который при со-
вершеніи жертвоприношенія, поставивъ
на сложеніи существительнаго неварное
удареніе, и потому научивъ роду мѣръ
прямо противоположной желаемой.
Наконецъ, знаніе грамматики есть требо-
ваніе, такъ сказать, камибуротности, какъ
называетъ введующее изреченіе:

avidvāṅsah pratyabhivāde nāmno ye
na pṛuṭim viduḥ
Kāmam teṁ tu viprosya strīsviva-
yamaham vadet.

— 18 —
Если невняты, отвлекая на приветствие не
умывают удивлять посылало слова имени, то
лькими обращаются без церемоний, все равно
как в ясенуи, вернувшись домой со сло-
вами: "вот и я." — Это вот в сенте: по
правилам, упомянутым в законах Ма-
ну (II, 125), приветствие между двумя муже-
чинами высшей касты, говорившими по
санскритски, должно происходить согласно
указанному образцу. Первый говорит: "Я такой-
то, о господин!" Второй отвечает: "Будь
домовителем, о такой-то!" и при этом
присоединяет последний слог имени с осо-
бенно продолжительного Домотого. А с
низшими кастами, с ясенуи обхо-
дятся без этих церемоний, говоря просто:
"вот и я." А касаясь, — говорит Катанджам,
дабы нас не третируют, как ясенуи, мы
должны изучать грамматику, учение осно-
вать. Он упоминает слова ведических, кото-
рые узнаются при заучивании священного
текста и обыденных, которые узнаются
из практики. Нужно знать правила обе

употреблении правильныхъ, хорошихъ словъ
и избѣгать неправильныхъ, нехорошихъ. Удобно
преподавать хорошия, пригнать нехорошия
исключаются сами собою. — Наследуетъ ли
преподавать все существующія хорошия
слова подь-рядъ? Итить, ибо въ священныхъ
книгахъ существуетъ слѣдующій разсказъ
про царственного бога Индру и мудраго бра-
хмана, Брикхаспати, фигурирующаго въ
брахмантской мифологій въ роли духовни-
ка, наставника и придворнаго наемнаго бо-
говъ. Брикхаспати преподавалъ разъ Индру
въ теченіе 1000 небесныхъ лѣтъ (а одинъ небесный
годъ равенъ 1000 земныхъ) всю наличность
словъ, перочисляя ихъ подь-рядъ и все-таки
(они не кончили) не дошелъ до конца. Бри-
хаспати былъ учителемъ, Индра ученикомъ,
1000^{лѣтъ} небесныхъ продолжалось ученіе и
все-таки они не кончили. А что же гово-
рить о темерещущихъ брахманахъ, когда чело-
вѣкъ проживетъ самое большее сто лѣтъ,
да и не можетъ всю свою жизнь посвящать
одному ученію. Посему, дабы обучить

всѣмъ словамъ, нужно приложить другой методъ, а именно указать на общее и частное. — Какъ такъ? Посредствомъ правилъ и исключеній: правила для общаго, исключенія для частнаго. „Вотъ какъ слѣдуетъ преподавать“ замолчаетъ Фатанджамъ, и тогда приводитъ две формулы изъ грамматики Фатанги. (См. Vyākaraṇa - Maṭābhāṣyam ed. by Kielhorn. Vol. 1² стр. 5-6. Bombay. 1892).

Я нарочно останавливаюсь несколько дальше на этомъ памятнике, чтобы обратить вниманіе на своеобразный контрастъ между столь похвальной аргументаціей и математически точно прослѣженными грамматическими правилами, а также показать до какой виртуозности и изощренности доходитъ индійскіе грамматисты. Я уже говорилъ, что Фатанджамъ различаетъ древнеиндійскій составъ и форму языка священныхъ книгъ Ведъ и современнаго живого языка, въ которомъ различаетъ (лексическій составъ) въ свою очередь хороше

и не хорошия слова, (данда - арадава). Сами
 Ганини тоже тщательно отличаются въ
 своихъ правилахъ отступленія отъ насъ, до-
 пускающа въ священныхъ текстахъ Ведъ и
 Брахманъ, отъ которыхъ его языкъ отлича-
 ется лишь отрицательно, т.е. не созданіемъ но-
 выхъ грамматическихъ формъ, а только усра-
 неніемъ старыхъ, вышедшихъ изъ употребленія.
 Вместе съ тѣмъ лексическій запасъ значитель-
 но измѣнился: въ языкъ вошли новыя слова,
 и выраженія, а многія измѣнили свои зна-
 ченія. Очень важно также то обстоятельство,
 что языкъ Ганини еще сохраняетъ искон-
 ное музыкальное удареніе словъ, основанное
 на повышеніи голоса, а не на усиленіи вы-
 дыханія, удареніе, утраченное въ пра-
 языка и известное также въ древне-грекескомъ,
 который въ самомъ дѣлѣ утратилъ его и замѣ-
 нилъ экспираторнымъ акцентомъ, существовав-
 шимъ и теперь въ новогреческомъ. Древне-инді-
 скій также утратилъ свое музыкальное уда-
 реніе въ первое вѣка нашей эры, такъ какъ
 единственный полный комментарий по всему

Тамини, тамъ наз. Бенаресская Тамина,
относящаяся къ половине III в. по Р. Хр.; уже не
знаетъ этого ударенія, равно какъ и все средне-
индійскіе діалекты, праяснѣвъ, имѣющіе немно-
гочисленныя экспираторныя ударенія. Крайне ве-
роятно, что особенностей, само Тамини еще
указываетъ на различіе между языкомъ своей
грамматики и современнымъ разговорнымъ яв-
ляемъ (bhāṣa), изъ чего однако нельзя еще вывести
заключенія, что языкъ его грамматики не былъ
живымъ, тѣмъ болѣе, что Тамини приводитъ
нѣкоторыя правила, годныя лишь для не-
кой речи, напр.; ученіе объ акцентахъ словъ при при-
бытіи, перебранкѣ, слова изъ жаргона, на-
пущиковъ, шроковъ и н. д.. Вопросъ объ отно-
шеніи между языкомъ грамматики Тамини
и разговорной речью „Бха́ша“ подробно разсмат-
ривается въ статьѣ Франке (Zeitschrift für Indologie und Iranistik, 17. B.), гдѣ тщательно анализируются
все сѣмь правилъ, гдѣ Тамини указываетъ на
отступленіе (оно) въ разговорной речѣ (bhāṣa);
отношеніе ^{между} ^{разговорной} ^и ^{литературной} ^{формами} языка ^и ^{литературной} ^{формой} языка.

Язык Фанши замораживается в себе все те
формы и слова, которыми и говорится, и
пишется, а разговорная речь (Басама); - на-
много этих, еще низ, которыми только гово-
рятся, но не пишется, ибо не одобрена гра-
матикой, санкционированной и фиксирован-
ной первой комиссией. Аморфность непо-
срешности, утверждающей за тру-
доты Фанши, еще более закрывает и сдвигает
неподвижные формы Языка, кото-
рый продолжает еще долго жить, превраща-
ется в образцовый, совершенный язык -
санскрит (Samśṛta = крм. страд.
пригласие от корня сан - делать, совер-
шать, так что в санскрите переводится рус-
ским "совершенный", так сказать, lingua
perfecta) на котором писали и пишут
в Индии и даже говорят доселе носы индий-
ские ученые - пандиты. Распространение различ-
ных языков между действующими язы-
ми индийской драмы есть несомненно очень
близкое, если не буквальное, отражение от-
ношений, существовавших в действительности

телной мысли. Это язык Фанини, как —
примечательно, был в употреблении не у одних грам-
матистов, об этом свидетельствует
также рассказ Тамандолати о том, как
ученый грамматик занимался этимологи-
ческим спором с царскими воинами, и был
разбит по всем пунктам этим ученым
учером (см. Таман, стр. 488). Вспомнив это,
мы, что в драмах царя беседуя со
своими воинами всегда на чистом сан-
скритском.

Итак, грамматика Фанини подвела ито-
ги и закрыла современному автору язык
образованных людей, очистив его от вуль-
гарных примесей, допускаясь в обыденном
безцеремонном разговоре. Позднейшая ли-
тература грамматистов, лексикографов
и глоссаторов безусловно подчинилась ав-
торитету Фанини и продолжала божествен-
ный язык, ставший санскритом, т. е.
совершенным. Чистейшими и изящней-
шими по стилю образцами т. наз. клас-
сического санскрита являются поэзия и

прозы эпохи, которой Макс Мюллер при-
 своилъ название „индiйскаго Ренессанса“, начиная-
 гося въ V—III в. по Р. Хр. при дворе царей дита-
 стит Гунта въ Удженни, покровительствуя
 которому, въ числѣ прочихъ ученыхъ и поэтовъ,
 пользовался и знаменитый Калидаса,* авторъ
 трехъ драмъ (Сакунтала, Урвши, Маллика,
 Амалшира) и поэмы (Мегхадута, Ритусам-
 хара, Кумарасамбхави, Рахуванта). Око-
 ло того же времени жила и Дандина (см.
 мою статью о немъ въ „Восточномъ Карикове-
 скомъ Журнале“ 1898 г. 2-я книга) авторъ рома-
 на: „Покорение десяти юншей“ и трагедии:
 „Зерцало поэзии“, стяжавшій себя огромную
 славу; затѣявъ въ теченiе несколькихъ лѣтъ
 писать рядъ авторовъ, писавшихъ во всевозмо-
 жныхъ поэтическихъ (эпическихъ) родахъ, до-
 водившихъ искусство до еще болѣе высокаго
 степеня и изысканности, доходящихъ до
 того, что одинъ изъ нихъ, Кавирадаса, напи-
 салъ поэму „Рахаванандавию“, употребивъ
 исключительно двусложные слова, такъ что
 поэма излагается одновременно и сложнымъ

* Примечание.

и. о немъ Н. Риттера: { Облаторитинор (Megha dūta)
 др. инд. именъ Калидаса. Xpca 1914.

Махабхараты и Рамааны.

Теперь является новый вопрос, въ какомъ отношеніи находится этотъ очищенный, проформированный, академическій языкъ къ Божественнымъ діалектамъ, съ одной стороны, средне-индійскимъ пракрытамъ, съ другою.

Языкъ древнѣйшаго памятника Ригъ-Веды, по удачной формировкѣ Вакернааса (Altindische Grammatik, I. B. S. XVI Göttingen, 1896), не есть „живой народный языкъ, но отвлеченный послѣдняго литературный языкъ (Kunstsprache), передававшійся изъ поколѣнія въ поколѣніе въ средѣ жрецовъ, сложившихъ языкъ Ригъ-Веды. Наряду съ діалектами, легшими въ основу языка Ригъ-Веды, несомненно существовали уже въ ту пору простонародные говоры, имѣвшие главнѣйшіе признаки древнѣйшихъ фразисовъ средне-индійскихъ пракрытовъ. Лучшимъ доказательствомъ тому служатъ, во-первыхъ, некоторые слова съ пракрытизированной формой, проникшія въ Ригъ-Веду, а во-вторыхъ, исключительныя особенности пракрытовъ

неизвѣстная ни изъ ведическаго діалекта, ни
изъ классическаго санскрита, но имѣющійся
въ другихъ индо-европейскихъ языкахъ, напр;
въ греческомъ (Винерманн, I. с. 5. XX). Одно-
временно приходится затронуть вопросъ
и о территориальномъ распределеніи
этихъ нарѣчій. Въ общемъ до сихъ поръ
остаеся наиболее правдоподобнымъ мнѣ-
ніе Гиттеля, высказанное еще Золмъ-
тау касательно (Göttinger gelehrte Anzeigen,
1884; ср. также von Bradke. ZDMG, 40 B).
„Не слѣдуетъ думать, - говоритъ Гиттель, ду-
мно классическій санскритъ есть прямой
потомокъ ведическаго діалекта. По всей
вѣроятности, классическій санскритъ есть
діалектъ страны Брахмаварта, области
между рѣками Гангомъ и Ямуной, поочерно, въ
самомъ поздней стадіи развитія, языкъ языка
Ведъ, представляющій собою болѣе западный
діалектъ, на что указываетъ и преоблада-
ніе въ немъ глагола ṛ, въ сравненіи съ
классическимъ ṛ, т.-е. большая близость
къ французскому діалекту съ неимѣюще-

ныне ротацизмове. Жанс наз. фронтисний,
 законъ Фортунамова" устанавливаетъ 1 для индо-
 европейскаго языка, вследствие чего пре-
 обладание 1 въ Ригъ-Ведѣ, равно какъ и те-
 мый ротацизмъ иранскихъ диалектовъ, пред-
 ставляютъ собой отнюдь не архаические, а диа-
 лектические явления." (Г. Г. А. с. 512) Жакъ
 Фортис, какъ встрѣчающагося въ первой и
 десятой книгахъ Ригъ-Веды примечательное
filu (или) = греч. Πολύ, латинск. filu,
 др.-персид. фали, тогда какъ въ прочихъ кни-
 гахъ пишется фила, можно быть сожа-
 лѣется, какъ записывание изъ восточ-
 ныхъ диалектовъ, никуда вѣдѣтиса вносима-
 ствѣ и диалектъ, легши въ основу клас-
 сическаго санскрита (ср. еще статью покой-
 ного акадѣмика проф. Фортунамова, "Индо-
 европейскія тавтологическія въ древне-
 индійскомъ языкѣ," въ "Харис тѣста", юби-
 лейномъ сборникѣ въ честь проф. В. Е. Норина).
 Жакъ Фортисъ уже для древнѣйшей эпохи
 приходится признавать параллельное суще-
 ствованіе и развитіе двухъ диалектическихъ

группы: съ одной стороны, простонародной, съ дру-
гой стороны, литературно-разговорной среди
высшихъ классовъ. Дialectы Брахманъ, равно
какъ и приносящіе къ нимъ говоры пом-
ранные древнихъ Упанишадъ, а затѣмъ и
функциональные учебниковъ Сутръ (затѣмъ,
древнѣйшія прозаическія тексты на
наканѣ бы то ни было изъ индо-европейскихъ
языковъ) - эти dialectы представляютъ
собой дальнейшія стadiи развитія все-
того же языка культурныхъ классовъ, од-
на изъ которыхъ позднѣе фазъ которого была
около III в. до Р. Хр. закрѣплена граммати-
кой Панини. Dialectические и территориаль-
ныя особенности отдѣляются памятниковъ не-
сомнѣнно, хотя еще мало изслѣдованы. Про-
стонародные говоры, основа средне-индійскихъ
праkritовъ, не могли успѣшно развиваться,
и научились литературную обработку при-
носить только высшіе классы, которыми тя-
готеетъ надъ низшими. Только съ появленіемъ
буддизма, вызвавшаго сильное демократи-
ческое движеніе, пражриты отжившихъ,

стали употребляться для надписей на
памятниках, воздвигаемых царями, как,
напр., знаменитое ^{сфинксов} царя Ашоки, а также
для новых религиозных текстов. В первое
время религиозно антагонизма и борьбы ме-
жду Брахманизмом и Буддизмом, есте-
ственно, и отношение между яснотой, обра-
зностью того и другого, могло принимать не-
сколько обостренный характер; тем не менее
могло быть стремление брахманов сохра-
нить санскритъ въ чистоте. А когда через
несколько вековъ Брахманизмъ путемъ
искусныхъ уступокъ и компромиссовъ
отъ завоевавшихъ религиозное первенство
и вернулъ себѣ политическое могущество,
тогда и княжеский санскритъ получилъ
новый блескъ и значение, что и наблюдается
въ эпоху такъ наз. "индійскаго Ренессанса", о
которой я упоминалъ выше. Ранее суще-
ствовавшая раньше на окраинахъ просто-
народная сказочно-новеллистическая ли-
тература была подвергнута переработ-
кѣ на санскритъ, который началъ доходить

до таких тонкостей и утонченностей, которые бы позабывали европейские славомы и демагогии. Даже когда просто-народные разговоры уже вступили в последнюю фазу развития так наз. ново-индийское и претензиозное франкство, когда в Индии водворились сначала мамелюки, а потом европейцы, и английский язык стал обязательным для всякого образованного индуса, все же яхманъ рач excellence для него остается санскритъ, при изучении которого европейскій профессоръ и индискій пандитъ могут дружески протянуть другъ другу руку. Если это такъ толику назадъ европейцы дали почти исключительно изучению индискимъ литературе и культуре, если первому печатному изданію древнѣшаго индискима памятника, Риг-Веды, судя по тому впервые появившаяся на светъ въ Англии, въ Оксфордѣ, подъ редакціей юншаго ученаго Манса Моллера, несомненно имъ такъ толику назадъ, то теперь въ Индии

научная деятельность туземцев и европейцев принимается все больше и больше грандиозные размеры: издания всевозможных текстов, священных и светских, со старыми и новыми комментариями печатаются и расходятся в огромном количестве и обогащают собою европейские библиотеки. Критиком в Индии эти тексты составляют не только предмет объективного научного изучения, но стоят в непосредственной связи с современным жизнью: почти во всем под руководством брахманов записываются науку священные тексты, а в англо-индийских колледжах молодые люди, пройдя курс под руководством англичан и индийских профессоров, должны сдать при окончательном испытании на аттестат зрелости „Введение“ и „Махабхарату“ Каманджани, а также читать романы и поэмы на классическом санскрите так же свободно, как образованный европейец читает модный французский роман. Англо-индийская культура уже начала приобретать перед взором европейцев, благодаря талантам перу Редьярда Киплинга и

котораго уже давно успело сдѣлаться по-
пулярнымъ. Въ его разсказахъ попадаются не-
редко черты странныя, загадочныя для евро-
пейца, говорящія очень много великому, много
мало-мальски изучавъ древнюю Индію.

Европейцы возмемъ его разсказъ, "Чудо Бхуравъ
Балама" ("The Miracle of Bhuin Bhagat"
въ "The second jungle book") прочтемъ его и
будемъ недоумѣвать передъ огромной праз-
дыра Бхуравъ-Дакка, первая министр-
лагуу-свѣтѣнная музѣиного раджи, полу-
чившаго разносѣторнѣе европейское обра-
зованіе, проводившаго въ своемъ амѣстѣ
либеральное реформы, командора орде-
на Индіанской имперіи, доктора фило-
софій, почетнаго члена и корреспондента
многихъ ученыхъ обществъ, музѣиныхъ и
европейскихъ, который по собственному
желанію поддается все и кончается деури
ннути аскетамъ на вершинѣ Инді-
анскихъ горъ, гдѣ индейское населеніе
носитъ смерти обогтворяетъ его. Но
кто знаетъ о религіи и культурой

древней Инди, для того эта форма по-
лучает глубокое, почти сакральное
значение: старая, стоявшая устная пе-
сень, индийская культура —
культура сталкивается с европейской, ново-
время, убеждает ее себя со всеми по-
стоянными формами и тенденциями,
проводит нас даже в темноту, а потом.....
пробуждается старая, давно забытая
голосом судьбы старинная и фаталистиче-
ски в то же время, что всегда являлось для ин-
дуса восстание идеалов: покинуть окру-
жающий мир, удавиться в тесноте и горе,
улыбнуться в самого себя среди грандиоз-
ной природы и слиться с рождением,
вечностью, бессмертием, возмуже-
нием Брахмы.

Руководства на русскомъ
языкѣ для изученія санскрита:

Проф. О. И. Кнауеръ. — Учебникъ
санскритскаго языка (грамматика,
хрестоматія, словарь). 1908 г. 2 руб.
Лейпцигъ.

Вс. Миллеръ и Ф. Кнауеръ. — Руководство
къ изученію санскрита. СПб. 1891.

Д. Кудрявскій. — Начальная
санскритская хрестоматія со
словаремъ и краткимъ обзоромъ
грамматики и морфологии
санскритскаго языка.

Юрьевъ. 1904. ч. 1, 25 к.

